

СЕКЦИЯ 5. ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ФИЛОСОФИЯ ПОНИМАНИЯ

А. В. Перцев,

декан философского факультета УрГУ
(г. Екатеринбург)

МЕНТАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Сама постановка вопроса о ментальной толерантности, которую М. Б. Хомяков определяет как «ненасильственное существование разномыслия»⁸⁸, достаточно проблематична. Она требует дополнительных и весьма основательных пояснений, в отличие от толерантности религиозной, толерантности политической или толерантности в межэтнических отношениях: там сразу же ясно, о чем, собственно, идет речь. Да и возможна ли ментальная толерантность вообще?

Согласно утвердившемуся мнению, толерантность предполагает своим первым условием *наличие неразрешимого конфликта*, непреодолимого противоречия. Зафиксировав такой неразрешимый конфликт, стороны его приходят к решению *избегать насилия* и приступают к поиску компромисса, поскольку *признают равными права конфликтующих сторон*. Таким образом, в частности, трактует толерантность как «основу демократического взаимодействия» группа политических исследований фонда Бертельсмана (Мюнхен): Вернер Вайденфельд, Сусанна Ульрих, Ева Фельдман, Томас Р. Хеншель⁸⁹.

Попробуем применить это едва ли не общепринятое понятие толерантности в сфере *ментального*, т. е. относящегося к области мышления. Начнем с мышления научного — так, как его рисует просветительская традиция. Допускает ли это научное мышление толерантность?

⁸⁸ Хомяков М. Б. Толерантность как социокультурная проблема // Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 9.

⁸⁹ Ср.: Tolerance: Basis for Democratic Interaction / Bertelsmann Group for Policy Research, ed. Gütersloich: Bertelsmann Foundation Publishers, 2000.

Первый необходимый ее признак — это наличие принципиально неразрешимого конфликта. Такой конфликт, разумеется, возможен в области религии, когда каждая из сторон заявляет: «На том стою и не могу иначе», не желая поступиться верой. Такой непреодолимый конфликт может быть в межнациональных отношениях, поскольку сменить свою национальную принадлежность человек не способен.

Но возможен ли принципиально неразрешимый конфликт в сфере научного мышления? Просветительская традиция решительно отрицает это. Мышление, утверждает просветитель, призвано активно разрешать противоречия, а не консервировать их. Способ жизни науки — не поиски компромиссов, а ожесточенная научная полемика. Любое столкновение мнений должно быть обострено до предела: только в споре рождается истина. Первоначальное значение слова «полемика» — это борьба не на жизнь, а на смерть, до полного физического уничтожения противника. Этика научного спора — это этика рыцарского турнира, этика честного боя, непременно завершающегося поражением одной из сторон, то есть ее полным переубеждением. Всякая толерантность здесь достойна презрения — как признак трусости. Всякое признание принципиальной неразрешимости противоречия влечет за собой обвинение в агностицизме, то есть в предательстве просветительских идеалов.

Поэтому можно утверждать: если ограничить ментальную сферу только сферой научного мышления (да притом не реального, как оно действительно *бытует* в научных кругах, а идеализированного просветительством), то ни о какой ментальной толерантности просто не может быть и речи. Научное мышление принципиально не допускает никакой толерантности.

Сегодня разговор о ментальной толерантности заходит главным образом потому, что словечко «инакомыслящий» прочно прописалось в словаре средств массовой информации и в документах международного сообщества. Так что выражение «терпимость к инакомыслию» успело превратиться в идиому, в устойчивое словосочетание, а в смысл отдельных слов, составляющих такие сочетания, никто не вникает. Если же все-таки задуматься о нем, то окажется, что «инакомыслие» здесь вовсе не толкуется как *инако-мыслие*, как наличие какого-то *иного мышления*. «Инакомыслящими», «диссиден-

тами» именуются те, кто вступает в полемику с властью или господствующей церковью все по тем же политическим, национальным и религиозным вопросам. Никто из них, однако, не спорит с властью о мышлении как таковом, о различных его возможных видах, принципах и методах. И это — вполне понятно, поскольку мыслительный орган власти и мыслительный орган оппозиции **ничем не отличаются**. Мысля одинаковым способом на одни и те же темы, используя одни и те же понятия, носитель власти и «инакомыслящий» приходят к противоположным точкам зрения только лишь потому, что выражают на одном и том же языке противоположные интересы⁹⁰.

«Толерантность к инакомыслию» предполагает вовсе не *другое, иное мышление*, а всего лишь мышление как *отсутствие поступка*. Смысл здесь таков: ты можешь мыслить о чем угодно, даже о неудовлетворительности существующего социального строя, и даже выражать свои мысли вслух, лишь бы ты не действовал в соответствии с этими своими мыслями, ибо действие уже представляет собой нарушение закона, охраняющего статус-кво. За одни мысли не судят — по крайней мере, в цивилизованных, толерантных обществах. Судят и применяют насилие (именуемое государственным принуждением) за поступок или за реальную, выражающуюся в практических действиях, подготовку к нему. Таким образом, распространенное сегодня требование «толерантности к инакомыслию» есть всего лишь попытка ограничить власти требованием вести борьбу с мыслями посредством мыслей, а не посредством «внеинтеллектуального» принуждения и подавления. Это — требование вести жестокую и бескомпромиссную полемику, «войну идей», но не переводить ее в применение насилия физического.

Со времен просветительства утвердилось как самоочевидное представление о том, что мышление вообще не может быть **иным**. Мышление может быть только одно. Оно либо есть, либо нет. Известный афоризм: «Дурак — это всякий инакомыслящий» — есть лишь доведенное до своего крайнего выражения представление просветителей о единообразии и все-

⁹⁰ В свое время критик В. Курицын тонко заметил, что литераторы-диссиденты в СССР (в частности, А. Солженицын) точно так же пользовались методом социалистического реализма, как и их оппоненты.

силлии общечеловеческого мышления, образцом которого они, разумеется, считали свое собственное. Тот, кто не желал принимать «ясные как солнце» аргументы мышления — одного и общеобязательного для всех! — просто объявлялся дураком, человеком немыслящим.

В этом-то представлении и кроется секрет нежелания говорить в ученой среде о ментальной толерантности. Пусть о толерантности к инакомыслию говорят профаны (журналисты, политики и т. п.). Они просто не умеют строго употреблять понятия. Истинный же ученый знает, что никакой толерантности в мышлении проявляться не может. И никакого *инакомыслия* просто не существует. Мыслят все одинаково, а тот, кто не мыслит подобающим, одинаковым образом, является дураком или мошенником. Его *недомыслие* должно быть преодолено.

Нет ничего более нетолерантного, чем рационалистические учения о прекрасном государстве будущего, где мыслителями будут все. Они означают, что в голове у всех будут строго одинаковые мысли. Все кошмарные оруэлловские утопии уже предварены строго рационалистическими и вполне логичными рассуждениями И. Г. Фихте: «...Если предположить, что существует много разумных существ, то в требовании, чтобы в *каждом* были однообразно развиты все его задатки, должно заключаться требование, чтобы все *различные разумные существа были бы также однообразно развиты и в отношении друг друга*. Если задатки всех в себе равны, как это есть на самом деле, потому что они основываются на одном чистом разуме, — они должны быть развиты у всех одинаковым образом, что является содержанием указанного требования; таким образом, результат одинакового развития одинаковых задатков должен быть всюду равен себе; и здесь мы приходим другим путем к установленной в прошлой лекции последней цели всякого общества: *полному равенству всех его членов*»⁹¹. Полное интеллектуальное равенство всех членов общества грядущего, у которых просветитель единообразно разовьет надлежащее мышление — вот картина просвещенного интеллектуального тоталитаризма. Наука в про-

⁹¹ Фихте И. Г. Назначение человека // Фихте И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Мирск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 747—748.

светительском ее понимании создавалась как воинствующая и непримиримая дисциплина, призванная победить всевластие теологии. П. Фейерабенд однажды заметил, что наука — это наиболее скучная и наиболее нетерпимая из всех религий. Если миссионеры, направлявшиеся крестить китайцев, хотя бы изучали перед этим их верования, то ученый, ничтоже сумняшеся, объявляет все, что не соответствует его представлениям, заблуждением, которое и не стоит того, чтобы его всерьез изучать. Армия бойцов науки воспитывалась и продолжает воспитываться в средневековых рыцарских понятиях. «Рыцари духа» должны быть готовы вступить в бескомпромиссный научный бой с кем угодно — не только с врагом, но и друг с другом. Сговор об исходе поединка невозможен. Презренные материальные интересы чужды духовному самураю: он совершает свои научные подвиги исключительно бескорыстно. Всевозможные экзамены и научные «защиты» представляют собой обряды воинских инициаций, в ходе которых имитируется честный бой с превосходящим противником. Чем они отличаются от «выпускного экзамена» в восточных школах единоборств, где на выпускника неожиданно нападают спрятавшиеся в разных местах заброшенного города или леса мастера, заставляя демонстрировать свое воинское искусство?

Итогом научной полемики может быть только поражение или только победа (то есть обращение оппонента в свою научную «веру»). Идеи милосердия, «любви к ближнему», милости к поверженным из сферы научной этики исключены.

Никому не приходит в голову обратиться к военным, чтобы поучиться миролюбию. Но может ли научить толерантности ученый с его этикой (научной) полемики и представлениями бескомпромиссного рыцаря (духа)? Ни одно из требований толерантности никогда не соблюдается им. Он не признает принципиальности и неразрешимости конфликта в сфере научного мышления. Он не признает этики ненападения на противника. Он не признает, что его научный противник обладает теми же правами, что и он сам, уже в силу своего существования, и, стало быть, априорно заслуживает уважения. Посмотрим, на что он способен в честном научном бою!

Стало быть, следует проблематизировать саму научную этику, которая кажется ученым самоочевидностью. Совре-

менное научное мышление — точнее, повторим, просветительские представления о нем — есть культурный феномен, становление которого может и должно быть прояснено. И тогда окажется, что Грааль крестоносцев и Истина просветителей — это явления одного порядка. И Грааль, и Истина, ради поисков которых можно с воодушевлением положить свою жизнь, могут существовать только в единственном числе. В противном случае никакого крестового похода не получится: отряды, каждый из которых ищет свой Грааль, мирно разминутся друг с другом. А если предположить, что каждый ищет свой собственный Грааль? Или свою собственную истину?

Сегодня принято полагать, что нетолерантность провоцируется самой жизнью. В докладе той же группы политических исследований фонда Бертельсмана отмечается: «Многие причины интолерантного поведения в современных обществах можно свести к продолжающимся изменениям социальной структуры. К ним относятся:

- разрушение традиционных отношений (семьи, клубы и т. д.);
- резкое изменение в моделях ориентации (стили жизни, религиозные убеждения и пр.);
- возрастающая сложность экономических и социальных структур (интернационализация и пр.);
- увеличивающаяся скорость обмена информацией (новые средства массовой информации и пр.).

Эти изменения в обществе способствуют росту конфронтации между различными жизненными стратегиями, мнениями, отношениями и отражают их амбивалентный характер: с одной стороны, они ведут к культурному, религиозному и этническому разнообразию, с другой — различные этические стандарты и ценности противостоят друг другу и увеличивают, тем самым, потенциал конфликтности в обществе».

Одним словом, понимать все это следует так: «сама жизнь», то есть объективные процессы, протекающие в экономике, политике, культуре, непрерывно порождают конфликты, а наука всего лишь помогает научить людей толерантности, чтобы эти конфликты урегулировались ненасильственным путем. Это представление настолько же самоочевидно, насколько в средние века было самоочевидным представление о том, что церковь всего лишь учит людей, чрезмерно конфликтных и аг-

рессивных «по жизни», любви и смирению. Сегодня ни для кого не секрет, что громадное большинство средневековых конфликтов было инспирировано именно церковью. Сколько же веков потребуется нам, чтобы убедиться: именно рационализм, именно его нетерпимое и склонное к духовному тоталитаризму мышление и порождает большинство неразрешимых проблем в сегодняшнем обществе — тех самых, которые он потом принимается безуспешно «решать». Впрочем, является ли толерантность *разрешением* конфликта? Не представляет ли она собой технику перевода конфликта из одной формы в другую? В ту, в которой армия интеллектуальных бойцов, чуждых любой толерантности и милосердию, чувствует себе более уверенно?

Еще Т. В. Адорно и М. Хоркхаймер показали, что просветительский стиль мышления отличает агрессия по отношению к природе, стремление к ее подчинению и эксплуатации. Затем эта агрессия реализуется в техническом «освоении природных богатств», в превращении природы в сырье. Логическим следствием оказывается превращение человека в живую машину, эксплуатация его наряду и наравне с техникой, а в пределе — превращение человека в сырье для промышленной переработки (именно эта чудовищная идея была реализована в Освенциме). Культ рациональности с ее предельной нетерпимостью лежит в основе всех конфликтов. Рационалистическая клевета на жизнь как нечто, порождающее кровавые конфликты, есть осознанная или неосознанная попытка отвести подозрения от истинного виновника этих конфликтов — от предельно нетолерантного просветительского разума. Реальная жизнь, в которой люди ежедневно и ежечасно находят способы урегулирования конфликтов, противостоит — как действительная школа толерантности — рационалистической войне идей, переходящей в войну вещей, воплощающих эти непримиримые идеи.

П. Слотердаjk (см. прил. 2) убедительно показывает это, описывая в терминах просветительской научной полемики войну и технологическую агрессию человеческого разума по отношению к природе. Главная мысль «Критики цинического разума» состоит в том, что все формы современной нетерпимости и агрессии порождены именно непримиримостью просветительского рационализма нового времени, а вовсе не наоборот.

В этом свете научные исследования толерантности представляются парадоксом: рационалистическое научное, то есть наиболее нетолерантное мышление пытается исследовать иные формы нетолерантности, значительно уступающие ему по степени непримиримости, и призывает носителей последних к толерантности, которой не обладает само.

Через работы представителей «философии жизни» проходит одна и та же мысль: просвещение стремилось отнюдь не к миру и не к поискам компромисса. Оно стремилось к полной победе над противником — феодальной властью и церковью, освящавшей порядки традиционного общества, — и представляло собой идеально организованный для этого воинствующий орден.

Однако крестовый поход этого ордена был остановлен и переведен в позиционную, окопную войну — и вовсе не только потому, что власть перестала вступать в полемический диалог с просветителями, предпочитая применять к ним откровенное, «физическое» насилие. Против армии просвещения была развернута еще и мощная партизанская война, в которой приняли участие все «обыватели» мира. (Так просветители именовали членов общества, которые не желали смиряться с их господством и «тупо» продолжали преследовать свои собственные интересы — вместо того, чтобы преследовать интересы просветителей).

Отсюда следует необходимость изменения самого смысла деятельности философа в современном мире. Он не должен интеллектуальным огнем и мечом «крестить» кого ни попадя в научную веру. Он должен постичь причины сопротивления разуму и неприязненного отношения к построенной на рационалистических принципах культуре. В первом случае нет никакой необходимости вникать в мир души новообращаемых язычников. Достаточно вбить им в голову рационалистическую утопию. Во втором случае утопических фантазий мало. Нужно *вникать* в то, что не доступно одному только разуму и здравому смыслу. Нужно *постигать*, нужно *понимать*, а не объяснять.

Только те великие философы, которые одновременно были психологами, — В. Дильтей, К. Ясперс, У. Джемс — смогли осуществить (незамеченный и неоцененный пока по достоинству) коперниканский переворот в представлениях о толерантности, смысл которого еще только предстоит понять ши-

рокому читателю. В докоперниканские времена считалось, что все небесные светила вращаются вокруг Земли, которая есть центр космоса. Н. Коперник показал, что дело обстоит, мягко говоря, несколько иначе. Точно так же по сей день принято полагать, что научная рациональность есть центр всего космоса человеческой культуры. Глядя из этого центра, только и можно судить обо всех проявлениях человеческой жизни — в частности, выносить суждения о степени толерантности и нетолерантности — и выставлять соответствующие оценки за поведение, воспитывая «народы мира», направляя их на надлежащие орбиты движения.

Переворот в понимании толерантности может и должен заключаться в том, чтобы лишить научную рациональность • просветительского толка ее места в центре мира и вне критики. Просветительское рационалистическое мышление в первую очередь должно быть рассмотрено как лишь одна из культурных форм, причем — как производная, а отнюдь не самодовлеющая. Оно само должно быть в первую очередь протестировано на толерантность, прежде чем оно примется за тестирование других форм человеческой культуры. Больше того: воспитуемый рационалистической наукой народный ум, рассматриваемый ею как материал для лепки, для придания надлежащего образа, короче — для *образования*, может и должен предстать не как ее производное, а как ее прародитель, несравненно более важный и значительный в сравнении со своим агрессивным и нетолерантным чадом.

Иными словами, для *психологической философии*, для *понимающей истории философии*, для *врачующей метафизики* и *постигающей истории* в духе школы Анналов наступают времена великого и многотрудного проникновения в менталитеты народов и в глубинные движения индивидуальных душ. Для того, чтобы осуществить такое проникновение и постижение, надо для начала признать их ценность, несмотря на все отличия. Необходимо начать с признания принципиальной возможности множественности истин. То есть начать с **ментальной толерантности** в совершенно новом ее понимании, которое прекрасно выразил последователь прагматизма К. Чапек (прил. 1).

КРЕДО ПИЛАТА

«...Иисус отвечал:...Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

Пилат сказал Ему: Что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем»

(Евангелие от Иоанна, 37 — 38)

Вечером пришел к Пилату некий муж, почитаемый в городе, по имени Иосиф из Аримафеи, также бывший учеником Христа, и попросил выдать ему тело Иисусово. Пилат ответил согласием, промолвив:

— Он распят без вины.

— Ты сам отдал его на смерть, — возразил Иосиф.

— Это так, — ответил Пилат, — и знаю, люди все равно думают, будто я поступил так из страха перед этими крикунами с их Вараввой. Послать бы на них пяток солдат — живо бы присмирели. Но не в том дело, Иосиф Арифамейский. Не в том дело, — помолчав, продолжал он. — А вот когда я беседовал с ним, увидел — недалеко то время, когда его ученики будут распинать других: во имя его, во имя его истины распинать будут и мучить всех прочих, убивать другие истины и поднимать на плечи других Варавв. Человек тот толковал об истине. Что есть истина?

Вы странный народ, много говорите. Все-то у вас фарисеи, да пророки, да спасители и всякие иные сектанты. И каждый, придя к какой-нибудь истине, запрещает все остальные... Все равно, как если бы столяр, сделав новый стул, запретил бы садиться на все другие, сделанные кем бы то ни было до него. Словно то, что сделан новый стул, отрицает все старые стулья. Возможно, конечно, что новый стул лучше, приятнее на вид и удобнее прочих; но отчего же, о боги, нельзя усталому человеку сесть на любой стул или просто на каменную скамью? Человек утомлен, измучен, нуждается в отдыхе; а тут вы его прямо-таки силой стаскиваете с сиденья, на которое он опустился, и заставляете пересесть на ваше. Не понимаю я вас, Иосиф.

— Истина, — возразил Иосиф Аримафейский, — не то же, что стул и отдых; это скорей повеление, которое говорит: пойдди туда-то, сделай то-то; порази врага, завоеуй этот город, покарай измену и прочее в этом роде. Кто не повинуется такому повелению, тот изменник и враг. Вот так обстоит дело с истиной.

— Ах, Иосиф, — вздохнул Пилат, — ты ведь знаешь, я солдат и большую часть жизни провел с солдатами. Я всегда повиновался приказам, но не потому, что они были истиной. Истиной было другое: что я бывал измучен жаждой; что тосковал по матери или по славе; что вот тот солдат думает сейчас о своей жене, а этот — о поле своем или об упряжке. Истиной было то, что, не будь приказов, никто из этих солдат не пошел бы убивать других людей, таких же усталых и несчастных. Так что же есть истина? Верю, я хоть немножко придерживаюсь истины, думая о солдатах, а не о приказах.

— Истина — приказ не командира, но разума, — отвечал Иосиф Аримафейский. — Вот ты видишь: эта колонна белая; если я стану твердить тебе, что она черная, это будет противно твоему разуму и ты не позволишь мне так говорить.

— Почему же? — возразил Пилат. — Я сказал бы себе, что ты, видно, очень несчастный и мрачный человек, раз видишь белое черным; попытался бы развлечь тебя; право, я испытал бы тогда к тебе больший интерес, чем прежде. И если б ты просто ошибся — я сказал бы себе, что в ошибке столько же твоей души, сколько в твоей истине.

— Нет *моей* истины, — сказал Иосиф Аримафейский. — Есть лишь единая истина для всех.

— Которая же?

— Та, в которую я верю.

— То-то и оно, — медленно проговорил Пилат. — Значит, она — только твоя. Вы как малые дети, которые думают, что мир кончается за их кругозором, а дальше уже ничего нет. А мир велик, Иосиф, в нем есть место для многого. Думаю, и в нашей действительности есть место для многих истин. Смотри: я чужестранец в этом краю, и далеко за горизонтом мой дом; и все же я не могу сказать: эта страна неправильная. Так же чуждо мне и учение вашего Иисуса; утверждать ли мне по этой причине, что оно ложно? Я думаю так, Иосиф: все страны — правильны, только мир должен быть безмерно просторным, чтобы все они вместились в него, рядом друг с дру-

гом, одна за другой. Вот если б кто-нибудь захотел поместить Аравию на то же место, где лежит Понт, то это было бы неправильно. Точно также и с истинами. Мир должен быть безгранично велик, просторен и волен, чтоб вместились в него все подлинные истины. И я думаю, Иосиф, такой он и есть. Взойди на очень высокую гору — с вершины ее увидишь, как сливаются предметы, как бы уравниваясь в единую плоскость. Так и истины сливаются, если смотреть на них с некоей высоты. Однако человек не живет и не может жить на вершинах; ему довольно видеть вблизи дом свой или поле, полные истин и осязаемых предметов; вот подлинное место человеку и делам его. Но временами он может поднять взор на горные хребты или к небу и сказать себе, что если глядеть с высоты, то истины и предметы, правда, остаются, ничто не отнято из них, но они сливаются с чем-то гораздо более свободным, что уже — не его достояние. Возлюбить этот широкий образ и при этом возделывать свою маленькую ниву — это, Иосиф, почти как богослужение. И я думаю — Отец небесный того человека, о котором мы говорим, действительно существует где-то, но отлично уживается с Аполлоном и другими богами. Частично они проникают друг в друга, частично соседствуют. Взгляни — в небе невероятно много места. Я рад, что есть там и Отец небесный.

— Ты не горяч и не холоден, — молвил, вставая, Иосиф из Аримафеи. — Ты только тепел.

— Нет! — сказал Пилат. — Я верю, верю, я горячо верю, что истина есть и человек познает ее. Было бы скудоумием думать, что истина существует для того лишь, чтобы человек не мог ее познать. Он познает ее, да; но — кто? Я или ты? Быть может, все? Я верю — каждый владеет частицей ее: и тот, кто говорит «да», и тот, кто говорит «нет». Если бы эти двое объединились и поняли друг друга, возникла бы истина в полном виде. Конечно, «да» или «нет» нельзя соединить, но люди-то всегда могут объединиться; в людях больше истины, чем в словах. Мне более понятны люди, чем их истины; но ведь в этом — тоже вера, Иосиф Аримафейский, для этого тоже надо поддерживать в себе восторг и экстаз. Я — верю. Верю абсолютно, без сомнений. Но — что есть истина?⁹²

⁹² Чапек К. Рассказы. Очерки. Юморески. М.: Правда, 1988. С. 176 — 179.

**КРИТИКА ЦИНИЧЕСКОГО РАЗУМА:
СЛЕЖКА ЗА ПРИРОДОЙ, АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ЛОГИКА,
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ**

По части металлов мы превосходим всех в Европе, а искусство металлургии и обработки металлов достигло у нас наивысших вершин. Мы первыми превратили чугун в сталь, а медь — в латунь; мы изобрели метод лужения железа и открыли многие другие полезные науки, так что в результате наши мастера, искусные в области благородной химии и в горном деле, стали наставниками для всего мира...

Готтфрид Вильгельм Лейбниц. Призыв к немцам совершенствовать свой разум и свой язык...

Как только обнаруживается, что в многочисленных науках или, лучше сказать, в научных дисциплинах познающие скрыто или явно начинают считать предметы их познания чем-то враждебным, понятия традиционной теории познания — *субъект*, *объект* — предстают в ином свете. «Субъект» означает нечто подчиненное, поэтому в других языках он является омонимом слов «подданный», «зависимый» (*sujet*, *subject*); в риторике «сюжет» обозначает тему, на полицейском жаргоне «субъект» — подозрительное лицо. Если теперь этот «субъект» возвышается и превращается в центральный пункт современной теории познания, то это — не просто ошибочное словоупотребление. То, что стоит за этим, представляет собой настоящую революцию. Субъективность стремится обрести суверенность, а для этого подчиненное желает подчинить себе то, чему оно могла подчиняться ранее. Мы наблюдаем полный поворот на 180 градусов — также и в том, что касается подозрений: подозреваемый (субъект) становится подозревающим. Подчиненное подчиняет себе окружающий мир и делает его для себя совокупностью «данных», данностей — данных кому? Распоряжающемуся и располагающему ими субъекту. Данные отдают себя в его руки — причем он, в свою очередь, не должен отдавать себя им. Подчиненный превращается в господина над данным.

Этот полный переворот (в скрытой форме произошедший, пожалуй, относительно давно, а в явной форме представляю-

щий собой явление нового времени) составляет априори трансцендентальной воинственной полемики. Война субъектов, которые всякий раз делают объектом Иное — противника или вещь, только и создает фон для воинственно-полемической объективности «научных», просвещающих дисциплин. Вещь, которая *противостоит* мне, становится предметом⁹³ [исследования]. Любой объект — возьми мы его даже «в-себе», «сам-по-себе» — есть потенциальный бунтовщик, как противо-Я или как средство в борьбе против меня, точно так же, как Я могу стать субъектом в философском смысле, только выступив в роли бунтаря против подчиняющего меня (делающего меня «субъектом»). В воле к знанию всегда проявляются интересы, которые не ограничиваются знанием как таковым, но служат вооружению субъектов для их борьбы против объектов. «Объективное знание» в этом смысле имеет характер *оружия* (понятие «оружие», как мне представляется, выше рангом, чем понятие «инструмент», поэтому одна лишь критика инструментального разума не полностью охватывает сферу воинственно-полемического).

Верно ли это и применительно к тем наукам, которые современная рациональность считает образцовыми — применительно к естественным наукам? Можно ли отстоять справедливость утверждения, что эти науки рассматривали природу, свой предмет исследования изначально как нечто враждебное или относились к нему недружелюбно-нейтральным образом? Ведь именно в естественных науках — а более всего при исследовании биологии и физики — может показаться, что здесь по-прежнему преобладает относительно «мирное» понимание ими своей сущности. Но видимость обманчива. Разумеется, во всех науках есть и созерцательное крыло, но отнюдь не оно обеспечило им взлет. То, что вызывает их к жизни — это императивы практики: конкуренция в сфере производства, в сфере политики, в военной области. К числу философских достижений экологии принадлежит доказательство того, что современные естественные науки — совершенно безразлично, как они себя понимают — закладывают основы индустриальной техники и, в силу этого, оказываются вов-

⁹³ В оригинале — игра слов, которая использовалась еще в «Речах к немецкой нации» И. Г. Фихте: «предмет» (Gegenstand) в буквальном переводе означает «противо-стояние» (Gegen-stand). — *Прим. перев.*

леченными в процесс, который, учитывая факты, можно охарактеризовать только как войну, направленную на порабощение и уничтожение биосферы, — войну, которую ведут агрессивно наступающие цивилизации. Впрочем, был философ, немецкий еврей, влияние которого — если можно говорить о таком — пришлось на времена Веймарской республики. Это Теодор Лессинг, который заложил основы экологически-философской критики западной хищнической индустрии⁹⁴. Везде, вплоть до вершин теории познания, наблюдаются следы суперхищника — взгляд охотника за добычей, так и шарящий и по органической, и по неорганической природе. Сегодня все более и более становится очевидным, насколько напрасны все попытки снова нейтрализовать результаты исследования природы, объявляя их результатом чистого стремления к созерцанию, — будто они были добыты для подкрепления «естественнонаучной картины мира». Слишком явными являются самые тесные связи естественных наук с политикой, экономикой и военной сферой. Они были и продолжают быть разведывательными отрядами, которые наша жаждущая завоеваний цивилизация засылает в ранее бывшие закрытыми и недоступными миры истин природы. То, что открыли и продолжают открывать в ходе своих исследований эти разведывательные отряды и первопроходцы естествознания, в сумме дает нечто, угрожающее самому существованию объекта исследования — природе в целом.

Может быть, я выражаюсь чисто метафорически? Вовсе нет. Я хотел бы представить воинственно-полемический характер естественно-научной эмпирии на одном примере — на примере изучения «предмета» Земля, с которым так или иначе сохраняют связь все естественные науки, вплоть до астрономии, и который остается средоточием всего нашего «интереса к природе». Относительно легко показать, что (и как) «науки о Земле» развивались, будучи направляемыми и движимыми воинственно-полемическими, практическими интере-

⁹⁴ *Lessing Th. Untergang der Erde am Geist (Europa und Asien)*. Hannover, 1924. Это резюме двух ранее вышедших его книг: «*Europa und Asien*» (1914) и «*Verfluchte Kultur*» (1921). В данной книге прежде всего обращает на себя внимание 11 глава «Умиравший Пан». То, что эта, при всех ее странностях, значительная книга была понята столь примитивно как «иррационалистическая», частично объясняет, почему идеи Лессинга «пробивались» столь мучительно.

сами. А именно: наблюдение за тем, что находится на земной поверхности, равно как и попытки выведать, что таится в земных недрах, во многих случаях подчинены политическим и военным интересам; при этом география подчинена, скорее, сфере стратегии и искусству государственного управления, а геология, скорее, сфере технологии производства вооружений.

Первое накопление географических знаний происходит, пожалуй, в головах монархов, завоевателей и полководцев — хотя эмпирическая «исследовательская» работа ложится вовсе не обязательно на них. Однако именно они, как субъекты политической власти, в первую очередь заинтересованы в том, чтобы у них концентрировались все знания о Земле, полученные другими — будь то охотники, мореплаватели, торговцы или философы. С древних времен известно, что купец, исследователь иных земель и шпион имеют между собой нечто общее, а порой и выступают в одном лице. В самом начале традиции европейской географии мы встречаем эпизод, который не может не наводить на определенные размышления. Предание говорит о милетском натурфилософе Анаксимандре, что он около 500 года до н. э. (незадолго до Ионического восстания и до вступления Греции в решающие годы войн с персами) изготовил «философскую скульптуру» (Небель): «металлическую плиту... на которую были нанесены весь земной круг, все моря и реки» (Геродот). Эту модель Земли милетский тиран привез к спартанцам, когда был у них с визитом, в ходе которого намеревался заручиться вооруженной помощью пелопоненесских городов-государств. «Только эта карта позволила тогда спартанцам получить представление о величине империи персов и средствах, какими она располагает; они научились видеть свою страну со стороны, поняли, насколько она невелика, и отказались от войн». (Nebel G., *Die Geburt der Philosophie*. Stuttgart, 1967. S. 37/38). Уже в этот первый момент «проскочила» искра связи между географией и стратегическими расчетами, и если на этот раз философ опередил стратегов в своих познаниях, то вскоре это соотношение изменилось на прямо противоположное: знание о Земле сосредоточилось у царей и полководцев, а не у философов. — Средневековые королевские путеводители (описания стран, составлявшие для монархов) демонстрируют, как в те времена «политическому Я» системы, то есть ее правителью, приходилось находиться, в буквальном смысле, «в поис-

ках своих подданных»; во времена, предшествовавшие централизму, не все рассеянные по политическому пространству составные части имели возможность видеть однозначно локализованный суверенный центр власти («столицу», резиденцию, абсолютистский замок а la Эскориал, Лувр, Версаль); суверен вынужден был, выступая подвижной частью системы, утверждать свою власть посредством появления в разных местах. Только позднее, когда была построена система репрезентации с ее органами управления на местах и полициями, появилась возможность существования оседлой центральной власти, которая сделала «прозрачным» для своего правящего ока и для принятия мер по управлению политическое пространство, «территорию» государства⁹⁵. Военно-политический интерес создает тот фокус, в котором могут концентрироваться географические, этнографические, демографические «познания», превращаясь в «сокровищницу знаний». Наконец, современная география притягивает к себе общий интерес образованных слоев капиталистических цивилизованных государств, предвещая действия по империалистической схеме (открытие, завоевание, миссионерство, колонизация, включение в мировую торговлю). Она в еще более интенсивной форме развивает старую стратегическую перспективу. Впрочем, зачастую стечение обстоятельств в ходе войны вызывает новый познавательный интерес. Из-за того, что военно-морской флот США не провел собственной предварительной работы, результаты которой были бы пригодны для использования, перед высадкой американских войск в Северной Африке пришлось собирать любительские фотографии, фильмы, отснятые во время отпуска, и индивидуальные сообщения о побережье в предполагаемом районе десантирования⁹⁶. Во времена стратегических спутников и военной информатики такие архаические методы стали излишними.

Что же касается разведывания земных недр, то самым ярким проявлением его является *металлургия*. В «лоне Земли» покоятся металлы, которые зачастую недоступны вдвойне — из-за глубины их залегания и из-за прочного их соеди-

⁹⁵ Импульсы к написанию истории развития политического ока дает книга Erik Grawert-May Zur «Geschichte von Polizei- und Liebeskunst» (Versuch einer anderen Geschichte des Auges. Tuebingen, 1980).

⁹⁶ Это — анекдот из предистории возникновения современной разведки США.

нения с пустой породой. За разведкой, добычей, приведением в состояние, допускающее использование, и распространением этих труднодоступных материй должен стоять поистине огромный интерес, равно как и выдающаяся потребительная стоимость, которые оправдывают все усилия, затраченные на изготовление металлов. Металлургия — это главная техническая наука в истории войн; с появлением бронзы и железа начинается «горячая» фаза в культурной эволюции, равно как и эскалация оружейного и военного искусства. С началом эпохи артиллерии, наконец, эти процессы обретают окончательную сверхостроту. Все имеющие решающее значение виды современных вооружений и боевых систем — танковые соединения, военная авиация, ракетные базы, системы морского базирования и т. п. — представляют собой, по сути дела, не что иное, как гигантские гипертрофии того способа обращения с металлами и взрывчатыми веществами, который практикует артиллерия: это — плавающие, летающие, передвигающиеся по земле артиллерийские системы⁹⁷. Политическая история металловедения может проследить изначально существующую связь между этой центральной наукой о недрах Земли и воинственной полемикой. Знание о природе и военное знание связаны между собой прагматической цепочкой интересов. Прежде чем получить в свое распоряжение железное оружие, которое можно поднять на врага, нужно предпринять боевой поход против земной коры — многоэтапный, трудный и опасный процесс. Нужно раскопать залежи руды, раздробить ее на куски, транспортировать их к плавильной печи, расплавить их силой огня, разделить жидкие субстанции, придать им необходимую твердость путем легирования, применения присадок и закалки, затем разогреть еще раз, подвергнуть ковке, формовке, шлифовке. Только воля к войне в состоянии подвергнуть природные субстанции таким преобразованиям посредством столь беспримерной насильственной деятельности, какой требует техника доменного процесса и техникаковки. В области металлургии думающий о войне человек осуществляет великую атаку на наличные структуры

⁹⁷ Название, которое дал своему трактату Георг Агрикола Старший в 1556 году — *De re metallica* — вполне подошло бы для социальной истории обладающих металлами цивилизаций и истории развития науки в них; *res publica* — это государство, *res metallica* — это война.

материи, и то, что он творит с металлом, есть не что иное, как предвосхищение того, что он сотворит с помощью металла со своим врагом. Если «железный век» (Овидий) начинается возникновением войн, символом которых были меч и копье, то есть рубящее и колющее оружие, то эпоха, предшествовавшая возникновению *огнестрельного* оружия, все же была «золотым веком» для войн. А именно: с появлением артиллерии в цивилизации происходит нечто вроде второго обретения огня, однако не прометеевского солнечного огня, как некогда, а современного вулканического огня из преисподней. Изобретению артиллерии соответствует, в общем и целом, развитие политической централизованной власти и пространственных перспектив к началу нового времени. Она позволяет «господствовать» над противником на расстоянии, и на этом основывается ее функциональное родство с современным управлением и надзором. Орудийный выстрел соответствует взгляду суверена, равно как и предписаниям центральной власти⁹⁸.

С началом промышленной революции, которая исходила из районов размещения английской металлургии, металлизация общества еще раз обретает новые масштабы. В то же время совершает резкий рывок и разведка земных недр. С этого момента возникают гигантские рудники, вгрызающиеся в самые темные глубины Земли. Горняки становятся армией призраков индустриальной цивилизации — эксплуатируемые эксплуататорами; рабочие металлургических заводов превращаются в элитный отряд капиталистического наступления на «трудно отдающие свои сокровища» земные недра. Наконец, современная форма экономики превращает в капитал все полезные ископаемые и посредством миллионов всевозможных «вскрышных работ», напоминающих взлом, посредством бурений и «добыч» она ведет минералогическую войну против земной коры, чтобы сжечь поднятые «на-гора» богатства или переработать их в технику и в системы оружия. Ежедневно индустриальные цивилизации выносят смертные приговоры многим миллионам живых существ и миллионам

⁹⁸ Можно помыслить себе восхитительные связи между баллистикой, искусством управления, дипломатией, курьерской службой (предшественницей почты), книгопечатанием: телекаузальные функции [т. е. причинное воздействие на расстоянии. — *Прим. перев.*], формирующие новое Ego.

тонн материальных субстанций. В них обретает свое завершенное воплощение хищническое и эксплуататорское отношение западных культур к Земле.

Следует поостеречься рассматривать ядерные технологии наших дней как нечто исключительное. На самом деле они — не что иное, как логичное продолжение минералогически-металлургической атаки на наличные структуры материи, чистейшее развитие воинственно-полемической теории, выводящее ее на новый уровень. Здесь нет *никакого* перерыва постепенности, *никакого* скачка. Трансцендентально-полемические рамки нашей техники вмещают равным образом и бронзовый меч, и нейтронную бомбу. Разве что переход от эпохи металлов к ядерной эпохе означает достижение новой технологической ступени в рамках воинственно-полемической структуры и новый порядок величин в том, что касается средств ведения борьбы за самосохранение. Чтобы выдержать тяготы своей войны против Другого, современные конкурирующие и исследующие Я с боем берут бывшие донныне самыми таинственными формы строения и энергетические источники материи, да, они, уже идя дальше металлургического расчленения наличных веществ природы (руды и т. п.), даже перешагивают порог естественных структур субстанции, чтобы добраться туда, где таились связанными считавшиеся до сих пор самыми загадочными космические силы. Но и на ядерном уровне варварскому отношению к материи уже предшествует варварское отношение к врагу — оно проецирует тяжелую враждебность, существующую в отношениях между соперничающими обществами (через «относительно автономную» промежуточную ступень естествознания), на радиоактивную материю. То, что в случае крайней опасности готовы причинить врагу, только и определяет масштаб тех средств уничтожения, которые нужно добыть у природы. То, чего мысленно желают врагу — уничтожение на огромных пространствах огнем, отравление, распыление на атомы, — должно быть предварительно проделано с оружием, должно быть выражено в нем. Оружие, в сущности, есть только наше *послание* противнику, которое извещает о наших намерениях в отношении его. Поэтому оружие — это образ-заместитель противника в своем собственном арсенале. Тот, кто *кует* оружие, дает знать своему врагу, что будет столь же беспощаден с ним, сколь он беспощаден к своей палице, к чушке металла, к гранате и к боего-

ловке. Оружие — это уже терзаемый и мучимый противник; оно есть *вещь-для-тебя*. Тот, кто вооружается, уже вступил в войну. Она *de facto* идет непрерывно, причем горячие чередуются с холодными; последние ошибочно названы миром. Мир, если рассматривать его в рамках воинственно-полюемического цикла, означает время вооружаться, то есть перенесение враждебности и злобы на металл; война, в соответствии с этим, есть введение в действие и потребление продуктов вооружения, применение оружия в действительности, к противнику.

На высшей ступени воинственно-полюемической технологии наш процесс просвещения достигает того пункта, в котором он прощается с тысячелетней дуалистической традицией метафизики: противоречие между *res cogitans* и *res extensa* в эпоху кибернетики просто-напросто сходит на нет. В той мере, в какой *res* (субстанция), которая мыслит, может быть фактически представлена и изготовлена как машина, исчезает ее противоположность по отношению к *res*, которая существует в пространстве (экстенсивно). Между тем существуют современные артиллерийские системы вооружений, которые на стратегическом жаргоне именуются «интеллектуальным оружием» или «хитроумными снарядами», то есть ракеты, которые выполняют в полете классические мыслительные функции (восприятие, принятие решений) и ведут себя по отношению к цели противника «субъективно». Существование этих систем означает откровенное признание нашей цивилизации о своем собственном состоянии: мы фактически, по большей части, стали субъектами, которые понимают себя как «мыслящие вещи», и эти мыслящие вещи есть то, что будет наносить удары друг по другу в современной войне. Различие между героем и его оружием исчезает; страдающие гигантоманией Я нашей культуры, всецело поглощенные заботой о самосохранении, «выставили из себя вон» свое собственное существование в качестве оружия. В конце концов, если готовые к смерти летчики — камикадзе выполняли функции управляющей системы (*res cogitans*) еще *in persona*, то в наиболее прогрессивных видах современного оружия субъективность героя перешла в субъективность электронную. Пикирующий бомбардировщик, управляемый человеком, еще предполагал наличие пилота, который сознательно шел на неизбежную смерть и доказывал свою способность принять смерть так, что эта

способность качественно прямо-таки не отличалась от способности, присущей античному философу. В интеллектуальных видах оружия этот человеческий фактор полностью исчезает; дальнейшая деградация в направлении от философии к паранойе осуществилась полностью; «живи и дай умереть другим», в соответствии с этим, — не только лозунг тайного агента, но и принцип современной войны, построенной на артиллерии и ее последующих модификациях. В «способном мыслить снаряде» мы обретаем конечный пункт современного *искажения представления о субъекте*, ведь то, что именуется субъектом в Новое время, есть, на самом деле, поглощенное заботой о самосохранении Я, которое шаг за шагом удаляется от Живого, вплоть до достижения вершины паранойи. Отступление, дистанцирование, искажение представления о самом себе — вот что порождает этот вид субъективности. Артиллерия есть лишь одно из ее проявлений, в особенности — в форме электронного, интеллектуального атомного оружия, последнего и наивысшего порождения самоутверждения и стремления господствовать над миром на расстоянии. Современное дальнобойное Я желает сохраниться, не узнавая себя в своем оружии; ему приходится поэтому как можно сильнее дистанцироваться и отмежеваться от него. Интеллектуальное оружие удовлетворяет эту потребность. С тех пор, как оно существует, шизоидная структура (принимающий форму государства субъект и воинственно-полюемическое Я, поглощенное заботой о самосохранении) обретает свой полностью завершенный характер. Следующая великая война сулит в перспективе только шизофрению и машины в роли сражающихся бойцов. Исполняющие роль правителей государства гомункулы, внутренне расколотые лемуруподобные управляющие деструктивными силами нажмут, «если уж это придется сделать», на главную кнопку, и героические роботы, вкупе со способными мыслить адскими машинами, ринутся друг на друга — *experimentum mundi* завершен; человек оказался ошибкой. Просвещению останется только сделать вывод: человека невозможно просветить, поскольку *он сам* был ложной посылкой просвещения. Человек оказался не на уровне предъявляемых требований. Он несет в себе самом затемняющий все принцип искажения и притворства, и там, где проявляется его Я, не может светить то, что было обещано всеми и всяческими Просвещениями — свет разума.